

Научно-
теоретический
журнал

Религио ведение

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1 2007

Главные редакторы

А.П. Забияко
А.Н. Красников

Отв. секретарь

Е.С. Элбакян

Редакционная коллегия

Н.Л. Алексеев
П.В. Башарин
И.П. Давыдов
И.Я. Кантеров
Ю.А. Кимелев
С.А. Мозговой
К.И. Никонов
Е.В. Рязанова
Н.Н. Трубникова
С.В. Филонов
М.М. Шахнович
И.Н. Яблоков

История религий

- Лаврилла А. Эвенкийская «игра» эви-/икэ: между игрой и ритуальным действием 3
- Бускина А.В. Основные аспекты концепции «о начале времен» в религиозной идеологии Кумранской общины (196 г. до н.э. – первая половина I в. н.э.) 9
- Погасий А.К., Нефедкин А.К. Пятидесятничество и феномен «иных языков» в Новом Завете 12

Религии России

- Иванова М.А. Предыстория колокольного звона: возникновение церковного звона-призыва в восточнохристианских обителях 22
- Понятов А.Н. Переход крещеных татар из православия в ислам в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. 35
- Хижая Т.И. Движение иудействующих в России во второй половине XIX в. 49
- Курбанов Р.В. Этапы распространения ислама в Дагестане: город, община, газават. Политический анализ (статья вторая) 60

Религии Востока

- Цолин Д.В. Риторическая интерпретация истории Жертвоприношения Исаака (Быт. 22:1-19) в арамейских переводах Ветхого Завета (таргумах) 69
- Куслий О.Н. Божественный женский персонаж в контексте основного ведийского мифа 82
- Цеханови Л.В. Социально-политическая роль практики медитации випассаны в современной Мьянме 90

Сравнительное религиоведение

- Забияко А.П. Язычество: от религии крестьян до киберрелигии (статья третья) 103

Философия религии

- Ерохин А.К. Августин: чем мы обязаны нашим учителям 121

Религиозная философия

- Потанчук В.И. Религиозность как основа общественного единства (социально-философские идеи С.Л. Франка) 133

Феноменология религии

- Каландаров Т.С. Традиционное жилище народов Памира: профанное и сакральное 142

Социология религии

Смирнов М.Ю. Современная российская социология религии: откуда и зачем?	154
Секретарев Р.В. Религиозный фактор в истории американской борьбы за независимость	164

Религия и культура

Грановский В.В. Русский символизм и философия имени: точки соприкосновения . . .	168
Дизендорф О.Л. Старообрядчество как феномен русской истории в романе И. Басаргина «Дикие пчелы»	179
Львов Д.В. Некоторые представления о жизни, смерти и судьбе в произведениях современной китайской писательницы Ван Аньи	185

Кафедра

Кобызов Р.А. Программа производственной практики студентов специальности «Религиоведение»	193
---	-----

Кругозор

Кобызов Р.А. Религиоведческие центры России: кафедра религиоведения Амурского государственного университета	196
About the journal	202
Contents	203
Авторы номера	211

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки.

Сайт журнала: <http://www.amursu.ru/religio>

Study of Religion («Religiovedenie»)

Scientific and theoretical journal. Four volumes/year

Editors in chief: A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov.
Executive secretary: E.S. Elbakyan.

Editorial board: I.L. Alekseev, I.P. Davidov, P.V. Basharin, I. Ya. Kanterov,
Yu. A. Kimelev, S. A. Mozgovoy, K. I. Nikonov, E. V. Riasanova, N. N. Trubnikova,
S. V. Filonov, M. M. Shakhovich, I. N. Yablokov.

Учредители.

Амурский государственный университет;
Объединение исследователей религии (Москва)
при участии философских факультетов
Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов

Founders:

Amur State University;
Association of researchers of religion; with
participation of the Faculties of philosophy of
Moscow State University and St. Petersburg
State University.

Адреса редакции

675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21,
Амурский государственный университет.
каб. 328.
E-mail: sciencia@yandex.ru;
119992, ГСП-2, Москва, МГУ, 1-й гуманитарный корпус, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения.

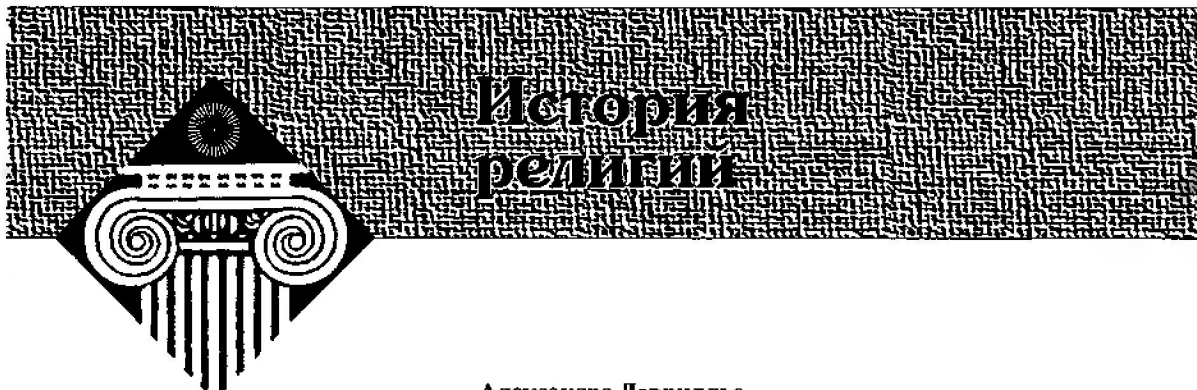
Editorial offices

675027 Blagoveschensk, Ignatievskoe Schosse
21, Amur State University, office 328.
E-mail: sciencia@yandex.ru;
119992, GSP-2, Moscow, Moscow State
University, first humanitarian building, Faculty
of philosophy / Dep. of philosophy of religion
and religion studies.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-79-73 от 14.05.2001

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. Рецензии на статьи авторам не высылаются, рукописи не возвращаются.

© «Религиоведение», 2007

Александра Лавриллье

ЭВЕНКИЙСКАЯ «ИГРА» ЭВИ-ИКЭ: МЕЖДУ ИГРОЙ И РИТУАЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЕМ

«Если мы хотим выжить, мы должны играть, хорошо играть», – часто подчеркивают информанты, когда вспоминают о праздниках. Отмечает это эвенкийский этнограф А.А. Алексеев, описывая праздник солнца у эвенов [1]. Представление об игре (в эвенкийском смысле) как о жизни характерно для всех носителей эвенкийской и эвенской, а также других тунгусо-маньчжурских культур.

Как же нам, европейцам, понять, расшифровать суть этой мысли, важной для понимания эвенкийского и эвенского мировоззрения?

Тема взаимосвязи игры и ритуала уже затрагивалась некоторыми исследователями – Chan E. Park, Т.Д. Булгаковой, Т.А. Кубановой, Е.Н. Романовой, М. Walker, Т.Ю. Сэм. Постараемся углубиться в осмысление этой проблемы.

Эвенкийская «игра»...

Характерно, что в эвенском и в эвенкийском языках отсутствует слово с основным значением «музыка». Но существует элемент слова, который включает в свое значение все действия, связанные с музыкой, пением, танцами людей и животных, – это корни *-ЭВИ-* и *-ИКЭ-*. Корни *-эви-*, *-икэ-*, как свидетельствует «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» В.И. Цициуса, являются общими почти для всех тунгусо-маньчжурских языков [2]. Слова, в состав которых входит морфема *икэн-*, имеют значение «петь импровизированные песни по кругу; петь в состоянии опьянения, горланить; участвовать в соревнованиях (на силу, сноровку и скорость); веселиться», слово *икэнипкэ* – «камлание шамана; весенний праздник охотников (у сымских эвенков); вести хоровод», а *икэт* – «шаманить весной».

Слова, имеющие корень *-эви-*, обозначают людей и различные формы поведения по признаку действия – *«играть»*; *игрун*; иметь успех в игре; *играть как дети* (в оленей, в устройство юрты и т.д.); товарищ по детским играм; *играть на инструменте*; *играть как актер*; представлять; *играть на сцене*; *шутить*; озорной ребенок; веселиться, забавляться; издеваться, подшучивать; *состязаться* на соревновании; *петь*; вести хороводные танцы; *танцевать*; *шаманить*; также называют и некоторые действия животных: *«токовать»* (о глухаре), *«спариваться»* (о белке), *«петь»* (о птицах) [2-5].

Еще более значимым, как свидетельствуют полевые наблюдения автора, является употребление слов, имеющих корень *-эви-* и *-икэ-*, в практике современного бытового эвенкийского языка на таежных кочевых стоянках, а также в поселках. Кроме указанных выше смыслов, слова с корневыми морфемами *эви-*, *икэ-* употребляются также в значениях «ритуальные статуэтки» (напр., *барыллах* или *байанай* – идол духа-хозяина охоты, приносящего удачу в охоте и рыбалке), маленькие изображения птиц и животных, сделанные шаманом для камлания, которые «пациент» должен постоянно хранить при себе; «рисовать»; вырезать узоры на разных предметах; красить природными красителями (камень *дэвэ*, кора раз-

ных растений и т.д.)»; «ток; место токования глухаря»; «рассказывать сказки – *нимнзаканы*»; «предгонная «борьба» диких и домашних оленей-самцов (когда идет настоящая борьба за самок, говорят *куһидерэ* – дерутся)». Также используют слова с данной корневой морфемой, если говорят о только что родившихся оленятах – прыгающих, бегающих, *катающихся* на последних льдинах весной; *лил* – когда при сильных морозах домашние олени «разбегаются», «распрыгиваются» (считается, что это признак пурги). Слова с вышеназванными корнями употребляются и в том случае, если необходимо указать, сколько баллов человек *выиграл* в какой-либо игре.

Каждое из этих действий имеет и свое отдельное название. Так, существуют глаголы, означающие «петь», «танцевать», но дифференцирующие эти действия в зависимости от типа песен и танцев (*этэ-да*, *дэвэйдэ-да*). *Эви-* в смысле «шаманить» означает камлание, некоторые его этапы, каждый из которых имеет свое название. В отличие от «игры» ту часть сеанса, во время которой шаман рассказывает, называют *нимнган-да*. Однако слова с *эви-*, *икэ-*, будучи обобщенным наименованием процесса пения, танцев, камлания, употребляются намного чаще.

Между игрой и ритуальным действием

Аналогичная связь между двумя действиями «шаманить» – «играть» существует также и в якутском языке. Эта связь, во-первых, подкрепляется формально. Так, однокоренными являются слово *ойуун* (шаман) и другие производные от корня *ой-*, объединенные общей семой «игра» («играть как дети; во что-то; в кого-то», «игрушки»).

Шаманство и игра связаны ассоциативно, что подтверждается следующими фактами. По материалам Г.М. Василевич, существовал такой обычай: дети играли в шамана, подражая камланию и другим его ритуалам. Для этих игр взрослые специально изготавливали маленькие костюмы, бубен, колотушку и наблюдали за игрой в ожидании сверхъестественного результата [6].

В своей работе Г.М. Василевич приводит многочисленные предания о сотворении мира, где главный герой делает себе (или ему делают) «игрушки» (в тексте – *эвикар*), чтобы вылечиться, призвать удачу в охоте или выйти из трудного положения.

Последняя публикация Г. Варламовой-Кэптукэ, посвященная эпическому фольклору эвенков [7], позволяет отметить наличие «общих мест» в сказаниях о зарождении земли: из Верхнего мира спускаются духи-создатели и духи-хозяева, чтобы играть, состязаться; результаты игры влияют на выбор устройства создаваемого мира.

На основе этих трех примеров мы видим, насколько тесно семантически и формально игра связана с ритуальным действием. Можно предположить, что эти феномены в некотором отношении тождественны.

Чтобы проверить данное утверждение, необходимо более детальное сравнение значений этих понятий. Некоторые европейские ученые (A. de Sales, R. Naiman, M.-D. Even и др.), работающие над темой взаимосвязи игры и ритуального действия, пришли к заключению, что слово «играть» имеет значение радовать, веселить, развлекать разных духов (которые, по народному представлению, имеют такие же нужды, как и простые люди) с целью завоевать их расположение. Но, на наш взгляд, подобные значения интересующего нас понятия больше соответствуют представлениям южно-азиатских народов.

Как нам кажется, все значения *эви-* и *икэ-* близки значениям, содержащимся в таких понятиях русского языка как «подражать», «изображать», «представлять», «символизировать». Попробуем раскрыть этот тезис,

рассматривая разные смысловые контексты. В каких контекстах используются слова, выражающие эвенкийское понимание «игры»?

Отметим, прежде всего, что пение, благословления и ритуалы выражают чувства, желания, ожидания и надежду словами и жестами (не случайно, что у эвенков танцевать то же, что и петь, поскольку у них практически все танцы сопровождаются пением). Такое понимание подводит к мысли о представлении народа о слове как о действующей силе, что позволяет провести параллель с утверждением «сказать – значит, сделать», которое рассматривается в работе J.L. Austin «How to Do Things with Words» (Oxford, 1962).

Подобную веру в могущество произнесенных слов мы находим почти у всех сибирских народов, а также у многих других народов мира. По представлению эвенков, все слова имеют силу. Поэтому после исполнения какой-нибудь песни говорят «*о тэде, тэде!*» (правда, правильно спел) или «*элэкин элэкинатанда Тэдемэ!*» (пойдет, сбудутся твои слова, правда). Вера в действенность слов подтверждается и необходимостью, по мнению эвенков, следить за своими словами (если что-то обещал, надо слово держать; нельзя вспоминать вслух о болезнях, о бедах; нельзя вслух желать людям плохого).

В связи с этим можно утверждать, что в такой картине мира «представить – значит, сделать» или «представить – значит, вызвать». Такого рода понимание подтверждается следующим ритуальным действием, где смешаны игра с ребенком, пение, прыжки, гадание и ритуал добычи удачи (практикуется и в настоящее время). Когда мать с маленьким ребенком сидит дома и ждет отца с охоты, она берет ребенка под мышки двумя руками, чтоб он висел на воздухе, кончики пальцев его ног еле дотрагиваются до колен матери, и поет «*Чучу чулугду Чулугдукэл! Амас биһикин!*» (прыгай на одной ноге, твой отец придет); «*Чучу чулугду Чулугдукэл! Амас бэюнэ варакин Омунна дяпдингат*» (прыгай на одной ноге, отец дикого оленя убьет, одного съедим). Если при этих словах ребенок прыгает от радости – значит, отец уже возвращается домой. Но это действие не просто гадание. По словам информантов, «так делают, чтобы удача была на охоте. Радуюсь, прыгая, ребенок вызывает удачу для отца. Но если он не прыгает, то ничего не стоит ждать» (из полевых материалов автора).

Перечислим далее основные смысловые контексты.

Играть как дети – изображать жизнь взрослых с позитивных сторон. Детям делают множество игрушечных оленей, чтобы они были богаты оленями, маленькую колыбель и кукол, изображающих будущих членов семьи, наполняют маленькие вьюки красным мхом, символизируя удачу на охоте (из полевых материалов автора).

Играть в игру – изображать ситуации и состязания между людьми.

Играть на инструменте – изображать знакомые звуки. Очевидно, что все эвенкийские музыкальные инструменты подражают звукам животных, птиц и природы с целью заманить дичь, вызвать духов тайги или научить детей узнавать звуки, ориентироваться в лесу.

Шаманить – представлять путешествие в разные миры и встречу с духами с целью получить их помощь.

Рисовать, создавать узоры – изображать разные фигуры. Каждый узор что-то означает. Так, у эвенов и эвенков изображения оленьих глаз, оленьих следов служат сохранности и умножению стада; заячьи следы способствуют удаче в охоте; паутина – сеть паука (*атаки*), который до сих пор считается предком людей и хранителем семейного очага; изображение солнца продлевает жизнь. Есть некоторые узоры, краски и аппликации, которые считаются оберегом. Например, аппликации на спинке костюма и на нагруднике; двухцветные подвески из темных и светлых кусков меха (*чутулэ*), находящиеся на шаманском костюме, на вьючных сумках, на ковриках (*кумаланы*) и также на праздничной узде оленей. Боль-

шое значение имеет то, что камень-краситель *дэвэ* считается священным: когда его собирают, обязательно угощают духов того места, где берут камень, оставляя что-нибудь в знак благодарности. Также считаются оберегом белые линии (длинные шейные полоски из шерсти домашнего оленя), пришитые между цветными узорами (*из полевых материалов автора*).

Рассказывать – это передавать/представлять словами и пением образ, жизнь героев сказаний и преданий, подражая их голосам. *Нимнгаканы* рассказываются, или, точнее, исполняются не просто, а, как свидетельствуют информанты, с ритуальной целью: фронтовик-сказитель *нимнгаканов* объясняет, что на фронте он исполнял *нимнгаканы*, чтобы духи ему помогли остаться в живых [7].

Состязаться на соревновании – подражать танцам и борьбе животных во время спаривания, что ассоциируется с прибылью. Большинство этих соревнований – на силу (борьба, прыжки, перетягивание палки и т.д.).

«Разбегиваться» – «распрыгиваться» (о животных) – необычайно оживленное движение, которое, возможно, представляет пробуждение природы весной (знак будущего цветения, размножения птиц и животных). Интересно отметить, что концерты в поселке и дискотеки у эвенков также называются «игра», причем больше всего людям нравятся быстрые, оживленные песни и танцы, какого бы происхождения они ни были.

Совершать ритуал – представлять духов в виде идолов, изображать встречу с ними. В ходе ритуала символически воссоздается их угощение посредством кормления огня в ожидании того, что взамен они дадут удачу на охоте. Многие из охотничьих обрядов организованы как театральное представление удачной охоты. Делают, например, из тальника чучело дичи, приклеивают перья, а затем его мажут кровью. На ночь изображение оставляют на границе стоянки возле комка мха, который символизирует его еду. Утром охотник идет к чучелу и стреляет в него из ружья. Если оно не падает, то охотник стволом ружья роняет чучело. Считается, что удача на охоте добыта (*из полевых материалов автора*). Значит, совершать ритуал – это объяснить высшим силам при помощи слов, жестов и изделий, что человеку необходимо в жизни.

Итак, «представлять», «подражать», «изображать», т.е. «играть», означает, по представлениям эвенков, воздействовать на жизнь человека. Именно это и подтверждает мысль о том, что «сказать – значит, сделать» или «представить – значит, осуществить, создать». Необходимо отметить и то, что «играть» по-эвенкийски означает «создавать». Желанием выжить, создать лучший мир и объясняются, на наш взгляд, слова *«чтобы жить, мы должны играть!»*.

Как «играют» сегодня эвенки Южной Якутии и Амурской области

Для начала хотелось бы уточнить значение слова *традиция*. Это слово, которое употребляется очень часто и в разных контекстах, происходит от латинского глагола *tradere*, означающего «передать». Следовательно, *традиция* – это то, что передается из поколения в поколение. Естественно, что при передаче что-то теряется, а что-то приобретает. Нельзя сказать, что эвенкийская традиция погибла, она жива и будет жить. Постараемся это доказать.

В с. Иенгра (Южная Якутия), насколько нам известно, больше чем где-либо сохранилась музыкальная культура эвенков. Там до сих пор поют традиционные песни-импровизации и водят хороводы, причем не только представители старшего поколения, но и молодежь.

Кроме того, возникло новое явление – эвенкийские песни с фиксированным текстом, которых раньше не было (за исключением *нимнгаканов*

и, конечно, песен, пришедших из советской культуры). Эти песни написаны на эвенкийском языке. Помимо социальных тем, в них затрагиваются проблемы нравственного характера: звучат постулаты, которых раньше не было («не забывай свой язык», «всегда поступай по законам предков эвенков», «не забывай образ жизни своих предков», «наша земля страдает», «наше поколение видело много плохого», «кем станешь в современном мире?» и т.д.), желания-благословения («эвенки будут хорошо жить», «дух вселенной нам удачу даст»). Как и в традиционных песнях, в новых встречаются описания природы.

Среди авторов этих песен наиболее известен Владимир Колесов, песни которого были недавно опубликованы на эвенкийском языке (В. Колесов. Люгли. Нерюнгри, 2000). Хотя Владимира не стало в 1994 г., его песни поют дети и взрослые таежного и поселкового общества. Октябрина Наумова, Евгений Марков, Маргарита Колесова, молодые Александр Енохов и Ирина Колесова и другие тоже пишут песни на родном языке. Их песни знают и поют все, и потому они представляют собой живой эвенкийский фольклор. Кроме того, много таежников, умея играть на гитаре, сочиняют песни на эвенкийском языке в современном стиле, заимствуя некоторые традиционные мелодии и напевы. И все это у эвенков тоже именуется «играть».

Самые главные моменты года у эвенков считаются праздниками. Напомним, что в эвенкийском языке нет слова «праздник» – говорят *бакалдын* (встреча). *Бакалдын* считается священным моментом года, потому что в нем собраны все виды эвенкийских «игр», и по тому, как прошел праздник, определяют, каким будет наступающий год (так, как представляют себе «год», отрезок времени, эвенки). Поэтому в Иенгре и в поселках Амурской области праздник оленеводов считается более важным, чем Новый год (Александра Лавриллье. Сезонные праздники эвенков Южной Якутии / пер. с французского диссертации магистра. – Парижский университет, 1995. – 188 с.).

Второй, не менее важный праздник возродился в Иенгре с 1994 г. – весенний праздник *Икэнипкэ*. Он был запрещен советской властью в 20-х гг., последним, кто его описал, была Г.М. Василевич (в работе «Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков»). *Икэнипкэ* был восстановлен по инициативе коренной интеллигенции села Иенгра, по совету эвенкийской общины г. Якутска (Г. Кэптукэ, А.Н. Мыреевой и др.). В Иенгре этот праздник бывает каждый год в середине июля. Он включает несколько ритуалов: очищение людей (проход под деревянной аркой *чичиткан*, окуривание багульником); кормление медвежьим жиром *сэвэк-моо* (деревянный столб, изображающий три мира); кормление реки и огня; угощение местных духов посредством привязывания ярких цветных ленточек на дерево – *улгани-да*. В сценарий праздника включаются также концерт, соревнования по футболу, волейболу, прыжкам через нарты, борьбе и т.д. А вне сценария, по собственной инициативе, собираются бабушки, ведут хороводы и поют импровизации чуть ли не весь день, допоздна, – как в старину во время длительного праздничного периода летних собраний. Так раньше праздновали эвенкийский новый год, начинающийся с первым пением кукушки, возвещающей радость воскрешения природы. Также вне сценария эвенки села собираются у реки, играют, поют, танцуют, веселятся. Таким образом, праздник объединяет в себе все виды эвенкийских «игр».

Первое время таежники боялись праздника *Икэнипкэ* из-за того, что некоторые из обрядов (особенно кормление *сэвэк-моо* и изготовление *чичиткан*) давно не совершались, поэтому и реакция была такой: «вдруг что-то не то сделаем, духи на нас обидятся» (*нгэлэмо* – «грех»). В настоящее время ситуация изменилась, люди освоили воскресший праздник, гордятся им, многие из таежников проявляют желание на нем присутство-

вать. Теперь большинство эвенков села отмечают, что с тех пор, как начали праздновать *Икэнипкэ*, численность самоубийств намного уменьшилась. Участники праздника определяют результативность праздничного действия и соответственно характер будущего года по признаку того, как долго и живо пели бабушки. Следовательно, по представлению эвенков, будущий год зависит от того, как «играли» во время праздника.

Есть еще одна сфера жизни эвенков, где «игры» практикуются все больше и больше. По причине экономического кризиса эвенки, особенно амурские, выживают только за счет охоты и рыболовства, их жизнь зависит только от природы. Маленькие кочевые группы, имея по несколько оленей, следуют за мигрирующими дичью и рыбой, не зная, что будет завтра. И потому, как нам удалось заметить почти за 5 лет полевых исследований, во-первых, молодежь все больше стала уходить жить в тайгу, потому что «там хоть природа поможет», и, во-вторых, эвенки стали намного внимательнее, чем раньше, относиться к оберегам, запретам, чаще совершать охотничьи ритуалы и угощение местных духов.

В заключение выделим еще один связанный с игрой аспект мировоззрения эвенков. У этого народа сохранилась религиозная концепция, позволяющая им ритуально действовать как при наличии шамана, так и без него. По объяснению эвенков-информантов, существует представление, обозначенное понятием *оннир*, согласно которому в каждого эвенка вселяется определенное количество духов, с которыми он должен «играть» (т.е. петь, танцевать, шаманить, рисовать, украшать, совершать обряды, праздновать, веселиться, играть как дети и т.д.) с целью управлять ими. Таким образом, каждый эвенк может ритуально воздействовать на свою жизнь. Шаман отличается от обыкновенных людей только тем, что он, как говорят эвенки, «играет» лучше всех». Партнером этих «игр» – с шаманами и без шаманов – всегда является природное окружение, воспринимаемое в религиозно-мифологической картине мира как *Буга*. Сегодня традиционными шаманами становятся все реже, поэтому эвенки «играют» каждый по-своему. В отличие от других народов (буряты, якуты, монголы и др.) эвенки, видимо, не хотят принимать шаманов нового (городского) типа, как долгие годы отказывались принимать чужое верование. Для совершения ритуалов и обрядов сегодня выбирается целый ряд лиц (пожилые люди, лекари, люди, подражающие шаманам, и некоторые потенциальные шаманы). Никто из них не воспринимается, однако, как «настоящий», соответствующий традиционной культуре, шаман.

Очевидно, что в современных условиях у многих эвенков надежд на «игры» больше, чем на реалии окружающего их социального мира. По нашему мнению, эвенки в будущем будут все больше и чаще «играть» и, таким образом, не потеряют свою культуру, свои традиции.

-
1. Алексеев А.А. Забытый мир предков. – Якутск: Ситим, 1993.
 2. Цициус В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975.
 3. Цинциус В.И., Ришес Г.И. Русско-эвенкийский словарь. – М., 1952.
 4. Симонов М.Д. Русско-эвенкийский словарь. – Новосибирск, 1994.
 5. Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектический словарь эвенкийского языка. – Л., 1968.
 6. Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. – М.; Л., 1966.
 7. Кэптукэ Г. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. – Якутск, 1996.